

В. М. Артемов*

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СВОБОДЫ В ТРУДАХ П. А. КРОПОТКИНА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ ЭТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

С^толь строгое название темы прошу не рассматривать как некую попытку поднять планку его теоретической состоятельности и значимости. Скорее здесь можно говорить о дани по отношению к моему собственному исследовательскому прошлому. Помнится, первая монография, вышедшая перед защитой докторской диссертации 16 лет назад, называлась «Нравственное измерение свободы и образование (опыт теоретической реконструкции русского классического анархизма)». Налицо своеобразная переключка замыслов и смыслов. Но, если тогда речь шла об учительстве как основной силе социальных подвижек и преобразований, то в настоящий момент парадигма несколько иная: на первый план выходит фактор нравственности. Основное профессиональное кредо сегодня — усиление нравственности в праве. Отсюда и название.

Так сложилось, что из трех представителей русского классического анархизма (М. А. Бакунин, Л. Н. Толстой и П. А. Кропоткин) именно последний оказался ближе, что называется, по духу. О нем, кстати, и больше написано мною, в частности для таких солидных журналов, как «Вестник Московского университета», «Социально-гуманитарные знания», «Lex Russica». Написан и соответствующий раздел о Кропот-

кине для энциклопедии (в серии «Философия России первой половины XX века») и т.п.

Согласитесь, Бакунин, наверное, подобно звезде, очень яркий; Толстой, бесспорно, велик как писатель, философ и моралист, а вот Кропоткин не так заметен, хотя органично соединяет в себе теоретическую глубину ученого и практическую жилку подвижника. Кто-то из знавших его непосредственно писал о «впечатлении какой-то странной смеси пророка и ученого»¹. По размаху научных и творческих интересов можно даже провести аналогию с Ломоносовым, хотя князю было несколько легче пробиваться к знаниям (случай даже помог ему оказаться в элитном пажеском корпусе Санкт-Петербурга).

Не останавливаясь на подробностях, подчеркну: его оригинальная этико-философская концепция органично связана с необычайно цельной и ориентированной на идеал жизнью. Налицо устойчивое свободолобие и высокие моральные качества². Примечательно, что первым шагом молодого революционера после вступления в народнический кружок чайковцев, где он встретил, по его же словам, «идеально чистых и нравственно выдающихся людей», был акт своеобразной нравственной реабилитации М. А. Бакунина, который

¹ Это из «Путешествия в прошлое» И. М. Майского. См.: *Пирумова Н. М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С.132.

² См.: *Артемов В. М.* Гуманистическая этика П. А. Кропоткина: единство свободы и нравственности // Вестник Московского университета. Серия 7 : Философия. 2004. № 2. С. 3–14.

³ *Шеметов А. И.* Искушение : Повесть о Петре Кропоткине. М. : Политиздат, 1986. С.15.

© В. М. Артемов, 2016

* *Артемов В. М.*, доктор философских наук, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

«никого никогда на подлости не благословлял, Нечаева обману и убийству товарищей не учил»⁴.

Вообще, личностный вклад в общественный прогресс не исчерпывается лишь идеями и их взаимосвязью. Значительную роль играет и чувственно-эмоциональная устремленность, последовательная серия решений и поступков интересующего нас человека в конкретных исторических обстоятельствах. Так, в 1917 г. в качестве ближайшей цели неутомимый гуманист видит не столько взятие власти, сколько глубокую революцию, которая «расшевелила бы всю умственную и нравственную жизнь общества, вселила бы в среду мелких и жалких страстей животворное дуновение высоких идеалов, честных порывов и великих самопожертвований». В целом П. А. Кропоткин с пониманием относился к советскому проекту (это было продемонстрировано в период пребывания в Дмитрове (1917–1921) после вынужденной более чем сорокалетней эмиграции). При этом он предостерегал большевиков от чрезмерной жестокости. Несмотря на подорванное здоровье, участвовал (в качестве председателя) в работе Лиги федералистов, активно пропагандировал идеи народного просвещения, напряженно трудился над «Этикой». Ее он рассматривал и как поиск ответа на давно волновавшую его проблему происхождения нравственности, и как ожидаемый обществом своего рода спасательный круг в условиях социального ожесточения и снижения ценности человеческой жизни. Видите, куда уходит, условно говоря, проект этизации.

Хотя со дня смерти мыслителя и подвижника прошло уже почти 95 лет, можно с полной уверенностью говорить о нем как о нашем современнике. По-видимому, не случайно, согласно моим личным наблюдениям преподавателя, именно к трудам, жизни и деятельности П. А. Кропоткина обращается значительная часть студентов-юристов и магистрантов, когда предлагается выбрать, к примеру, тему творческой работы, связанную с осмыслением разнообразных граней наследия русской философии практически-нравственной ориентации конца XIX — начала XX в.

Таким образом, в настоящее время особо востребовано теоретическое и ценностно-практическое наследие именно Петра Алексеевича. Ведь сейчас теряется самое главное — вера

людей в собственные силы, в возможность что-либо изменить своим умом и собственными руками. Этим пользуются те, кто, что называется, ловит рыбку в мутной воде обывательской растерянности и вопиющей безответственности. Кропоткин же научно доказал силу и перспективы взаимопомощи и человеческой солидарности; утверждал надежду и веру в самих людей, в возможность создания общества свободы и справедливости.

В данном случае меня интересуют прежде всего этика и гуманизм русского подвижника, проявившиеся в его трактовке свободы. Актуализируется это тем, что западная цивилизация, да и мир в целом, находятся на перепутье. На прочность проверяются идея свободы, различные ее аспекты и варианты осуществления. До сих пор налицо типичные заблуждения, крайности и односторонности (от растворения свободы в природе до абсолютизации последней применительно к некоему себялюбивому индивиду). Имеет место и «юридизм»: преувеличение возможностей права в плане обеспечения формальных свобод и т.п. Телега, что называется, ставится впереди лошади.

Существуют серьезные препятствия между собственно человеческим измерением социальной жизни и законодательно-правовым ее обслуживанием. Ситуация усугубляется событиями последнего времени. Так, после политического переворота националистического типа в Киеве возникла серьезная политико-правовая коллизия. Свобода стала рассматриваться там только в узкой и надуманной «логике» защиты от каких-то врагов. Нравственно-философский, собственно гуманитарный аспекты напрочь исчезли из поля зрения горе-революционеров и политических проходимцев. Инициативы же самих людей, проживающих на непослушных территориях Донбасса, имеющих свои собственные представления о свободе и других приоритетных ценностях, просто игнорируются. А привычные политико-правовые регуляторы при этом практически перестают работать.

В такой ситуации определенный интерес может представлять своего рода постгосударственная парадигма жизнеустройства, субъектами которого выступают сами люди как люди, а значит, и настоящие граждане, желающие защитить себя и строить новые перспективные отношения и структуры. При этом П. А. Кропот-

⁴ Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. М., 1991. С.387.

кин предупреждал: «Революция должна считаться заранее неудавшейся, если она не будет отвечать интересам большинства и не найдет средств их удовлетворить... если свержение существующего ограничится заменой одних правящих лиц и одних формул другими — тогда... все совершившееся пропадет даром и у народа будет одним разочарованием больше»⁵.

П. А. Кропоткин размышлял о личностном потенциале человека, существенными измерениями которого являются нравственность и свобода. Соответственно, прицельное рассмотрение данной проблемы позволяет исследовать глубинные пласты философско-этических позиций П. А. Кропоткина. В этом ключе, в принципе, остается возможность возвращения к праву, но настоящему, обслуживающему все общество и защищающему конкретного человека. Не случайно в юности он, как и его кумир М. А. Бакунин, мечтал, условно говоря, о «хорошем» праве, служащем общественному прогрессу.

Продолжая линию И. Канта, П. А. Кропоткин утверждал, что «именно общественные наклонности и общественное творчество, когда им дан свободный выход, дадут возможность человеку достигнуть полного развития и подняться до высот...»⁶. Вместе с тем он склоняется и к философии нравственности И. Г. В. Фихте, который «предъявлял высокие требования нравственности, т.е. к чистоте ее мотивов, отвергая в них всякую эгоистическую цель и требуя полной сознательной ясности в воле человека и самых широких и высоких целей... через свободу человека...»⁷.

Факты жизни и деятельности П. А. Кропоткина наглядно свидетельствуют о единстве свободы и нравственности как своеобразном стержне его личностного бытия. Правда, в ранних социально-политических взглядах на буржуазное общество имело место и некоторое преувеличение внешнего аспекта свободы, точнее — свобод как прав. Позднее такое видение в целом преодолевается, но расширительное понимание права применительно к личности, а значит, и обществу (а не государству только) все же в целом остается.

Отечественный интеллигент выступает за своеобразный нравственный прорыв. В таких работах, как «Справедливость и нравственность» (лекция, прочитанная в Анкотском братстве и Лондонском этическом обществе), «Нравственные начала анархизма», «Моральный выбор Л. Н. Толстого», «Взаимная помощь как фактор эволюции», «Записки революционера», «Современная наука и анархия», «Хлеб и воля», «Этика», он исходит из признания глубоких природных и одновременно социальных корней сущности человека, а значит, и свободы.

Принципиально важным для понимания сути нравственной философии П. А. Кропоткина видится положение из второй главы «Этики» («Намечающиеся основы новой этики»): «Нравственный прогресс необходим, но без нравственного мужества он невозможен»⁸. Мужество, тем более нравственное, никак не вытекает из природно-биологического уровня бытия человека; оно является результатом свободного выбора самого человека как личности. Данный выбор и выступает в качестве своеобразного механизма, поднимающего нравственность на более высокий уровень, достойный свободного человека и подлинно справедливого общества.

Этические взгляды П. А. Кропоткина зрелого периода характеризуются открытием своего рода «вторичной» нравственности, возвышающейся над той, что вытекает из природных начал. Взаимопомощь выступает предпосылкой и одним из факторов нравственности. Высший же уровень нравственности связывается как с общим прогрессом в обществе, ведущим к развитию чувства справедливости, равновесного сдерживания, так и с достаточным развитием личности, «личной творческой силы и почина...»⁹.

Указанные уровень и неуклонное развитие на его основе немыслимы без свободы, в процессе рассмотрения которой просматривается попытка синтеза естественно-научного, антропологического и социального подходов. Свобода мыслится П. А. Кропоткиным в качестве высшего, собственно человеческого воплощения исходной космической гармонии. Тенденция

⁵ Кропоткин П. А. Речи бунтовщика // Анархия, ее философия и идеал : Сочинения. М. : Эксмо-Пресс, 1999. С.1 21–122.

⁶ Кропоткин П. А. Анархия : сборник / сост. и предисл. Р. К. Баландина. М., 2002. С. 403.

⁷ Кропоткин П. А. Этика : избранные труды. М., 1991. С. 180.

⁸ Кропоткин П. А. Этика. С. 43.

⁹ Указ. соч. С. 42–43.

рассматривать свободу как личностное качество не только не исключает, а предполагает учет таких явлений, как природное и социальное равенство, непреходящая склонность к тому, чтобы помочь ближнему, преодолеть несправедливость и т.п. Как таковая она реализуется в той мере, в какой естественно разворачивается природный и социальный потенциал человека. Это противоречит индивидуализму М. Штирнера и узкому реформизму П.-Ж. Прудона.

Свобода связывается П. А. Кропоткиным с «твердой волей» самого человека¹⁰, с познанием им своего изначального единства с природой. Более того, глубокие корни свободы и находятся в этом единстве, в естественности проявлений взаимопомощи, солидарности и самопожертвования. В самой «животности» имеются предпосылки нравственности, а значит, и свободы.

В качестве преград на пути разворачивания подлинной (а не формальной) свободы рассматривается то, что не имеет корней в изначальной природной гармонии. Кроме властно-политических структур, вмешивающихся в естественные и нравственно оправданные процессы жизни человека и общества, к ним относятся и внутренние препятствия на пути к свободе. Речь идет о недостатке знаний и морали у самих людей, вынужденно втянутых в борьбу за существование. Развитие науки, образования, включая целенаправленное улучшение морально-нравственных качеств человека и общества, — это прямой путь к более зрелой свободе. Вместе с тем она же одновременно составляет своеобразную базу для развития ума, достоинства и счастья людей.

Получается, что свобода у Кропоткина рассматривается как в естественно-природном, так и в практически-нравственном измерениях. Смысл ее не столько в разрушении не свойственных природе и обществу преград, сколько в обеспечении культуросозидающей подпитки естественных и прекрасных чувств взаимопомощи и солидарности. Последовательная реализация свободы в конечном счете ведет к устранению отношений эксплуатации и жесткой зависимости.

То, что системообразующим элементом всего комплекса нравственно-философских воззрений П. А. Кропоткина является справедливость, свидетельствует об открытой возможности осуществления и подлинного права. Но

благом или добром она становится лишь в том случае, если имеет за собой свободный выбор и соответствующий поступок.

Свобода выступает как высший момент процесса саморазвития природы, включая обеспечение удовлетворения основных потребностей живых существ, стремящихся к восходящей самореализации во внутреннем и внешнем пространствах своего бытия. Она соотносится (но не отождествляется) с определенным состоянием социума, в котором царит взаимопомощь. Многообразие же реальных проявлений свободы в обществе определяются собственно личностной активностью.

Реализацию социального идеала П. А. Кропоткин связывает с усилиями высоконравственных и одновременно свободных людей, точнее — личностей, которые смогут договориться между собой и сотрудничать. Не случайна явная практически-нравственная, образовательная ориентация П. А. Кропоткина, исходящая из устойчивых представлений о единстве науки и нравственности.

Дневниковые записи свидетельствуют о том, что он стремился к специализации собственных научных занятий, примеривал их как к своим способностям, так и к представлениям о цели и общественном интересе. Говоря о юности вообще, он как бы советует учителю, воспитателю: «Единственный правильный путь — это открыть перед юным умом новые, широкие горизонты; освободить его от предрассудков и ложных страхов; указать место человека в природе и человечестве и, в особенности, отождествить себя с каким-нибудь великим делом и развивать свои силы, имея в виду борьбу за это великое дело»¹¹. Данный совет свидетельствует о реализации ценностно-регулятивной функции философии и этики. Таким образом, наследие Кропоткина принадлежит не столько анархистам (время в целом показало утопичность их социального проекта), сколько всем, кто ратует за оздоровление социальной жизни и права. Главное в нем — это убеждение в возможности существенных преобразований в обществе на базе нравственных качеств и свободного почина людей.

В целом, появляясь, идеи, как и вещи, в известном смысле имеют своего рода пространственно-временные координаты. Можно согласиться с размышлениями А. А. Гусейнова:

¹⁰ См.: Кропоткин П. А. Этика. С. 339.

¹¹ Указ. соч. С. 419.

«Этика и мораль имеют собственный хронотоп, свою современность, которая не совпадает с тем, что является современностью... Моральные основоположения сохраняют устойчивость века и тысячелетия»¹². На мой взгляд, данное утверждение в полной мере применимо и к творческому наследию П. А. Кропоткина.

Его вера в социальный потенциал человека, в принципе, может способствовать и совершенствованию права в условиях, когда оно необходимо. Ведь культивирование свободы и нравственности в современном (мягко говоря, не вполне благополучном с точки зрения морали) обществе не может не влиять и на качество права в самом широком смысле слова.

Это и многое другое по-новому видится в свете реализации того, что можно назвать стратегией этизации современного права. Некоторые ее направления и результаты изложены, в частности, в монографическом сборнике «Контуры научной школы. Нравственность, свобода, право: пути сближения» (2015), который является визитной карточкой нашего клуба.

Хочу подчеркнуть, что своеобразным ключом применительно к отечественной философско-этической мысли выступает ценностное единство свободы, нравственности и права. Осознание этого полезно и для международной отрасли, которая нуждается в существенном сближении позиций самых разных игроков на политико-правовом поле глобального масштаба, и для разных отраслей внутреннего права, представители которых заинтересованы в глубоком историко-философском и этическом осмыслении проблемы свободы с целью совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Показательным в этом отношении выглядит решение Минюста России о ликвидации и реорганизации около 100 исправительных колоний в русле «гуманизации уголовного законодательства». Актуализируются работы П. А. Кропоткина «Узаконенная месть, именуемая правосудием», «Наказание смертной казнью» и другие, в которых, в частности, говорится о том, что жесткая и несправедливая среда сближает заключенных и надсмотрщиков, делая их одинаково несвободными, развращая их.

Наследие автора «Этики» также помогает ее осуществлению и наполнению важной конкретикой. Так, речь идет об утверждении простой мысли: начинайте с себя, посмотрите вокруг, иницируйте перемены к лучшему, предупреждайте об опасностях! Говоря об иллюзорности многих законов и об огромном потенциале самого социума при возникновении каких-то проблем, классик указывал, что «...активное вмешательство друзей и соседей само по себе предотвратило бы громадное большинство грубых столкновений»¹³.

Это актуализируется, в частности, последними трагическими событиями в стране, когда правоохранители оказались бессильными, а сами граждане, по-видимому, понадеявшись на последних, самоустранились от решения вполне очевидных проблем (убийство нескольких малолетних детей в Нижнем Новгороде, жители целого региона Коми не смогли разглядеть преступное сообщество и т.п.). В качестве своеобразной морали звучат следующие слова: «каждому следить за собой и другими»¹⁴. Речь идет о требовательности по отношению к себе, внимательном отношении к другим. Тогда и количество законов минимизируется, и нравственность в праве в целом может усилиться. Итак, получается, что русский классик-анархист не столько «мешает» сближению свободы, нравственности и права, сколько «помогает».

Размышляя над стратегией этизации права, можно выделить основные направления усилий: во-первых, это совершенствование самого законодательства в русле его очеловечивания и избавления от излишнего формализма; во-вторых, существенное обновление всей правоохранительной системы, которая должна быть, так сказать, заточена не на количественные показатели в плане раскрываемости преступлений, а на профилактику преступности в целом в парадигме взаимопомощи и сотрудничества с населением; и, наконец, важно расширять и углублять собственно этическое образование для юристов, способствовать созданию, совершенствованию и осуществлению соответствующих этических кодексов. Нужен комплексный, многоаспектный подход. Наша конференция призвана способствовать этому.

¹² Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль: современные исследования. М., 2009. С.9.

¹³ Кропоткин П. А. Организация возмездия, именуемого правосудием. М., 1906. С.17.

¹⁴ Кропоткин П. А. Указ. соч.